

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Комбинация

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Комбинация

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7887057

Аннотация

«Дети ужасно шумели, как они умеют шуметь только в больших семьях, где на них никто не обращает внимания. Тут были представители всевозможных возрастов обоего пола, начиная с младенца, едва перебиравшегося от одного стула до другого, и кончая взрослыми гимназистами. По утрам половина была занята делом: большие уходили в гимназию, подростки занимались в классной, а мелкая детвора сбивалась в детской, около старухи няньки. Зато вечером начинался целый ад, особенно когда к Катеньке приходил «жених»... Невинное детство было изобретательно и умело отравить Катеньке каждый шаг...»

Содержание

I	4
II	11
III	19
IV	27
V	35
VI	43

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Комбинация

I

Дети ужасно шумели, как они умеют шуметь только в больших семьях, где на них никто не обращает внимания. Тут были представители всевозможных возрастов обоего пола, начиная с младенца, едва перебиравшегося от одного стула до другого, и кончая взрослыми гимназистами. По утрам половина была занята делом: большие уходили в гимназию, подростки занимались в классной, а мелкая детвора сбивалась в детской, около старухи няньки. Зато вечером начинался целый ад, особенно когда к Катеньке приходил «жених»... Невинное детство было изобретательно и умело отравить Катеньке каждый шаг.

Сегодня было, как вчера, как третьего дня, – как всегда. Когда «жених», учитель латинского языка Владимир Евгеньевич Кекин, явился вечером со своим дежурством к невесте, Катенька встретила его в передней с красными пятнами на лице. Жених приписал это радостному волнению, которое вызвано было его присутствием. Он даже поцеловал руку у девушки и задержал ее в своей холодной и потной руке.

– Вы взволнованы, Екатерина Васильевна? – спрашивал

он, глядя на нее через золотые очки, отпотевшие на морозе.

– Нет... так...

Катенька вспыхнула до ушей и потупилась, что привело Кекина в восторг: этакая миленькая барышня... Он даже причмокнул и посмотрел на ее статную фигуру с чувством собственности. А девушка в это время была как на иголках: за спиной у ней, за косяками у дверей шушукала и хихикала целая толпа маленьких мучителей. Дети ждали, как праздника, появления жениха и тешились смущением Катеньки.

– Здравствуйте, Владимир Евгеньич! – приветствовала эта маленькая орда, когда Кекин вошел в гостиную.

– А... здравствуйте, милые дети, – протянул он, щуря близорукие глаза. Когда он из зала проходил в гостиную, вслед ему донесся петушиный бас одного из гимназистов: «Комбинация!» Это была его классная кличка в гимназии, потому что Кекин к месту и не к месту употреблял это полюбившееся ему почему-то словечко. Катенька еще больше покраснела, точно это крикнула она сама, а не эти сорванцы. Как она сейчас ненавидела и эту голубую гостиную, и Кекина, и самое себя, и тот вечер пытки, который ей предстояло вынести с глазу на глаз с женихом. Отвратительного, впрочем, в женихе ничего не было, а скорее это был видный мужчина лет 30, плотный и здоровый, с большим лицом, крупным носом, большими руками и тяжелой походкой. Правда, в выражении его свежего лица было что-то неподвижное, точно он раз застыл, да так и не мог оттаять, но с этим маленьким недостат-

ком положительно можно было помириться ввиду остальных наружных достоинств. Конечно, рядом с ним Катенька являлась, может быть, слишком эффектной – среднего роста, грациозная, гибкая, с задумчивой красотой типичного русского лица. Мягкий шелк русых, слегка вившихся волос эффектно оттенял белизну кожи, а из серых лучистых глаз ласково и призывно глядели ее восемнадцать лет. Маленьким противоречием являлся только серьезно сложенный рот, говоривший о том, что старит человека прежде времени.

Кекин был влюблен в Катеньку, влюблен, конечно, настолько, насколько позволяла ему его солидность и общественное положение. Он теперь еще раз обвел девушку таким взглядом, точно делал ей экзамен, и остался доволен. Как, однако, она изменилась с тех пор, как он ее знал еще гимназисткой: женщина разворачивалась на его глазах. При вечернем освещении она казалась ему всегда лучше, чем днем, как было и теперь – голубая гостиная освещалась всего одной лампой под розовым абажуром, и на всем лежали такие мягкие, ласкающие тени. Конечно, в этой гостиной всегда царил страшный беспорядок благодаря детям; но Кекину нравился даже он, этот беспорядок, на фоне которого еще рельефнее выступала девичья красота, и притом являлась невольная мысль о другой маленькой гостиной, где будет и тепло, и светло, и уютно, как в гнездышке.

– Отчего вы сели так далеко? – спрашивал Кекин, стараясь говорить ласково.

– Мне все равно... я могу подвинуться.

– То есть как все равно?... Тогда лучше я подвинусь... Знаете, есть такой анекдот про Магомета. Да, именно про Магомета... Однажды он сказал своим последователям: «Дети мои, видите вон ту гору – я скажу ей, и она подойдет ко мне...» Тогда один из родственников шепнул ему на ухо: «Учитель, а если она не подойдет?» Магомет улыбнулся и ответил: «Тогда я подойду к ней...» Так и я, Екатерина Васильевна.

Довольный своим анекдотом, Кекин первый засмеялся, а в зале послышалось сдержанное детское хихиканье – у самых дверей кто-то подслушивал. Но слишком счастливый Кекин ничего не хотел замечать и даже потянулся своей большой рукой, чтобы обнять оглянувшуюся к дверям девушку, – она всегда так мило и наивно сопротивлялась его ласкам, возбуждая в нем желание обнять ее еще раз и еще.

– Я думаю, что нам сегодня всего лучше закончить наш вчерашний разговор, – заговорил Кекин, спохватившись, что очень уж разнежился, – тон голоса у него был совсем другой, каким он в классе читал Овидия, и глаза посмотрели так тускло, как у замороженной рыбы.

«Началось...» – в ужасе подумала Катенька, стараясь сделать внимательное лицо.

– Да... Между людьми, которые сходятся на всю жизнь, не должно оставаться ничего недосказанного, неопределенного. И я лично считаю своим долгом... да, долгом, вернее

сказать – обязанностью выяснить свои взгляды на жизнь вообще и на женщину в частности.

Ему самому понравилась закругленность фразы, и он посмотрел на Катеньку, какое впечатление на нее произвела она. Но девушка рассеянно смотрела в потолок, по которому бродили колебавшиеся пятна света.

– Прежде всего, женщина – человек... – тянул Кекин, ерзая рукой по спинке дивана. – Это уж целая идея... В женщине я прежде всего уважаю именно человека, как уважаю сам себя. Это не прихоть, не игрушка... одним словом, получается целая комбинация!

В зале опять послышался смех и шептанье. Затем невидимые руки вытолкнули в гостиную девочку лет восьми. Она неловко присела у дверей, делая гостю реверанс, и потом бегом бросилась в следующую комнату, закрыв рот рукою.

Начиналось представление... Катенька быстро поднялась и вышла в залу, где около рояля стоял большой гимназист, две девочки и несколько мальчиков в курточках. Она молча погрозила им пальцем, на что гимназист сделал ей реверанс и показал язык.

– Негодяи, – прошептала Катенька, возвращаясь в гостиную. – Господи, когда же этому будет конец!

– Комбинация!.. Комбинация!.. – несло ей вслед.

– Да... так в женщине я прежде всего уважаю человека, – тянул Кекин, точно пережевывая свою мысль. – Это значит вместе с тем, что, уважая человека в другом, я уважаю его

и в самом себе... Если разобрать сложную природу каждого чувства, то на поверку окажется, что наш ум скользит только по поверхности явлений и точно боится заглянуть внутрь, в самый корень... Например, возьмем... возьмем хоть любовь.

Последнюю фразу Кекин сказал с трудом, по возможности сладким голосом и сбоку посмотрел на свою слушательницу, – девушка сидела с опущенной головой, как сидела когда-то в классе на скучном уроке геометрии. Кекину был виден только профиль ее лица и белая рюшка, охватывавшая нежную круглую шейку, точно венчиком цветка, – о, эти женщины умеют одеваться и из каких-нибудь пустяков, как рюшка, сумеют сделать такое... такое... Позвольте, на чем он остановился?

– Да, любовь... – уже шепотом продолжал Кекин, придвигаясь ближе к своей жертве. – Это всесильное, мировое чувство... Конечно, я не имею в виду физической стороны, а то высшее, неуловимое духовное родство, которое заставляет биться два сердца в унисон. Женщина особенно велика в этом чувстве, это ее нормальная сфера... Да, любовь творит чудеса, любовь все понимает, любовь все прощает...

– Комбинация! – громко крикнул детский голос в зале, и затем послышались торопливые шаги улепетывавшего неприятеля.

Катенька быстро поднялась, но Кекин удержал ее – он не любил, когда его прерывали, и нахмурился.

Девушка осталась. Глаза у ней расширились, и лицо по-

бледнело. О, она отлично знала, что ее ждет впереди, – этот деревянный чурбан задушил ее одними своими разглагольствованиями! И какое самодовольство: он вперед уже прощает ее... Да ведь это не жизнь, а какая-то насмешка, и она все-таки должна быть его женой, потому что другого выхода нет.

– Все понимать – все прощать, – продолжал Кекин. – Это сказала умнейшая женщина.

Раздавшийся в передней звонок заставил Катеньку вздрогнуть, и она слышала, как дети всей гурьбой бросились через гостиную. Это, наверно, был Тихменев, – он приходил к ним именно в это время. Конечно, он, потому что дети шумят как сумасшедшие.

– Я сейчас, Владимир Евгеньич... – проговорила Катенька, торопливо поднимаясь с места.

Кекин только пожевал губами и посмотрел на нее через очки злыми, остановившимися глазами. «Я понимаю...» – мелькнуло в этом взгляде. Девушке стоило большого труда, чтобы не выбежать из гостиной навстречу гостю.

– Комбинация сидит с невестой... – кричал в передней детский голос. – Он про любовь говорит...

Катенька остановилась на полдороге, точно ее ударили. «За что? – стучало у ней в голове. – Ах, все злые, все...» Она быстро повернулась и пошла назад в гостиную, когда из передней показался Тихменев.

II

– Аркадий Борисыч!.. Аркадий Борисыч... – кричали дети на все голоса, хватая гостя за руки, за фалды серой визитки и забегая вперед.

– А где папахен? – спрашивал он грудным тенором, отбиваясь от облепившей его детворы. – И мутерхен тоже дома?..

Невысокого роста, с широкой грудью и курчавой головой, Тихменев выглядел настоящим молодцом. Едва опущенное русой бородкой бледное лицо нравилось всем, и только серые большие глаза смотрели немного жестоко. Он одевался с рассчитанной небрежностью, как человек, готовившийся «посвятить себя сцене». Пока Тихменев служил в акцизе и пожинал дешевые успехи на любительской сцене, по чиновничьим вечеринкам и особенно в кружке скучавших провинциальных дам. Его находили интересным – чего же больше? Тихменев везде был желанным гостем и ухаживал за всеми женщинами. Единственным его недостатком – людей без недостатков, как известно, не существует – было то, что он был женат на гимназической подруге Катеньки и, как семейный человек, терял много в глазах мамаш и дочек.

У Вициных он чувствовал себя как дома и без всякого доклада отправился из гостиной в столовую, а оттуда в кабинет к папахену, то есть к самому Вицину.

– А, вертопрах, здравствуй!.. – встретил его старик с

остриженной под гребенку седой головой. – Ну, что можешь сказать в свое оправдание?

– Не виновен, доктор, но заслуживаю снисхождения... – бойко ответил Тихменев, усаживаясь в кресло. – Хотел поглядеть Катеньку, жена ей поклон посылает, да эта комбинация у ней завелась...

Оба посмотрели и захохотали. Когда в дверях кабинета показались головы ребят, старик вскочил и, замахнувшись книгой, крикнул:

– Эй, вы, челядь... к черту!..

Успокоившись и запахнув поношенный халат, он опять опустился в кресло и проговорил совсем другим тоном:

– Ну, ты, Аркашка, смотри... того...

– Чего?

– А вот этого... Зачем девку смущаешь? Не оправдывайся: все знаю. Выйдет замуж, тогда дорога открыта, а теперь пусть их потешатся... Вот у нас новая горничная, так можешь изощрять на ней свои таланты.

Пока доктор говорил все это, Тихменев равнодушно оглядывал незавидную обстановку докторского кабинета: заваленный книгами и бумагами письменный стол, у стены шкаф с медицинскими книгами, другой шкаф с инструментами и походной аптечкой, железную кровать и т. д. Вицин доживал век военным врачом, и окружавшая его бедность кричала из каждой щели. Семья была большая, а казенное жалованье микроскопическое.

– Только? – насмешливо спросил Тихменев, ероша свою бородку, когда доктор кончил.

– Кажется, достаточно? Ведь Катенька не родная мне дочь и даже не разберешь, как она мне приходится: жена вышла за Ордина уже за вдовца, значит, Катенька была дочерью от первой жены и приходилась ей падчерицей, а когда Ордин умер и я женился на ней... одним словом, черт знает какая путаница. А я тебе скажу одно: Катенька очень уж ласково на тебя поглядывает... скажу больше: прямо влюблена... Как порядочный человек, ты...

– Понимаю, пожалуйста, без нравоучений... Вы, как порядочный человек, считаете своей обязанностью ловить Катеньку в коридорах и обнимать ее очень уж... по-родственному!..

– Ради Бога... шш... – зашипел старик, оглядываясь на дверь.

– Ха-ха... Испугались, ваше благородие?... Ничего, не беспокойтесь: я Антониде Степановне не выдам, если будете вести себя хорошо. Кстати, признайтесь, вы очень боитесь Антонида Степановны?

– Послушай... ты уж слишком, Аркашка!.. А Катеньку, действительно, раз обнял в коридоре...

– Потому что принял за жену? Ха-ха...

Когда в кабинет вошла сама Антонида Степановна, рыхлая и вечно больная дама с желтым лицом, разговор принял серьезный оборот. Говорили о приданом для Катеньки, о дне

свадьбы, разбирали жениха и тому подобное, что говорится в таких случаях.

– Уж, кажется, я и не дождусь, – повторяла Антонида Степановна, вздыхая, – когда пристрою Катеньку... Девушка на возрасте, того гляди сядет на руках Христовой невестой – тогда куда я с ней. Конечно, она в доме была необходима – занималась с детьми, помогала мне, но пора ей и о себе подумать... Не с нами же ей век вековать, а женихов-то нынче и с огнем не найдешь. Пойдемте, господа, чай пить, а Катеньке я пошлю чаю туда...

Действительно, Антонида Степановна велела подать горничной чай жениху и невесте в гостиную. Катенька даже побелела вся, когда увидела поднос со стаканом чая и свою чашку – у ней оставалась единственная надежда на вечерний чай, чтобы хоть на час избавиться от своего уединения, но и эта надежда оказалась разбитой. Зато Кекин был предоволен и смешно вытягивал губы, прихлебывая горячий кипяток. Как он противно чмокал губами, а потом облизывал их. Девушка вперед переживала всю свою жизнь с этим ненавистным уродом, и глухие слезы подступали к самому горлу. Что она такое – хуже сироты, а чужой хлеб горек. Когда была маленькой, то это еще не так выделялось, но потом... Конечно, Антонида Степановна добрая женщина, если бы не избывала ее замуж за первого встречного, а остальных она ненавидела. Старик Вицин, бесхарактерный, боявшийся жены человек, преследовал ее своими родственными любезностями с

седьмого класса гимназии и, когда жены не было, одолевал ее скабрзными анекдотами, объятиями и поцелуями. Старшие гимназисты писали на ее тетрадках непонятные ей слова и подсовывали неприличные фотографии. А она должна была молчать, чтобы не тревожить напрасно Антонида Степановны. В последнее время она просто боялась оставаться дома одна.

Единственное место, где она отдыхала, это был дом замужней подруги Любочки Тихменевой, – как у них всегда хорошо, уютно и как-то вообще тепло. Конечно, Аркадий Борисыч был ветреный человек и редко засиживался дома, но он всегда являлся таким веселым, остроумным. Особенно любила Катенька, когда он пел. Между прочим, он и ее учил пению, и они исполняли даже один дуэт на любительском спектакле. Вот единственное светлое место в ее молодой жизни, и понятно, что в Катеньке проснулись к мужу подруги те чувства, какие она боялась назвать их настоящим именем, – она просто чувствовала себя необыкновенно тепло в его присутствии, скучала, когда его не было, и жила только ожиданием, когда он придет. Никаких расчетов на Тихменева она, конечно, не могла иметь и старалась не думать, к чему ведет такое сближение, – ей было приятно, что он выделяет ее из среды других женщин и так необходимо ухаживает.

Сейчас после чая Тихменев перешел в зал, сел за рояль и привычной рукой взял несколько громких аккордов. Де-

ти опять столпились около него и заглядывали прямо в рот. Катенька вздрогнула, услышав знакомые рулады. Потом он запел один из тех романсов, какие так любят провинциальные барышни. Пел он недурно, хотя и кривлялся порядочно. Как назло, попадались именно те романсы, которые любила Катенька. Когда Тихменев запел: «Не говори, что молодость сгубила...», у ней на глазах показались слезы.

– О чем вы плачете, Катенька? – спрашивал Кекин, напрасно сдерживая поднимавшуюся в нем злость.

– Так...

– Это не ответ...

– Да просто потому, что так принято: все невесты плачут.

Она пересилила себя и даже улыбнулась сквозь слезы. Кекин успокоился, – действительно, все невесты плачут. А в зале полный мужской тенор так и выводил жестокие слова:

...Близка-а-а ммоя ммо-ги-ла-а!..

Потом Кекин опять говорил что-то, долго и убедительно, но Катенька уже не слушала его. Когда Тихменев кончил свое пение и с шумом захлопнул крышку рояля, Катенька без всяких предисловий выбежала к нему, взволнованная, бледная, с горевшими глазами.

– А вы дома? – удивился Тихменев, крепко пожимая маленькую дрожавшую ручку. – Любочка вам кланяется...

У него улыбались одни глаза, но Катенька прощала ему

и фальшивое удивление, и фальшивые слова, потому что он сейчас пел для нее, ее любимые вещи, точно хоронил ее живо.

– Мне нужно вам сказать одно слово... – прошептала она, опуская глаза.

– Я к вашим услугам.

– Вы сейчас уходите?... Я скажу в передней...

– Вы меня гоните, Катерина Васильевна... – заметил Тихменев, пожимая плечами.

В передней, когда он наматывал себе на шею шелковый платок, она припала к его груди русоволосой головкой и глухо зарыдала.

– Я... я... люблю вас... – шептали побелевшие губы.

– Милая... – ласково прошептал он, обнимая ее и целуя. –

Милая...

Этот поцелуй заставил девушку опомниться. Она посмотрела на него совсем дикими глазами, быстро повернулась и убежала... Тихменев несколько времени постоял в передней, улыбаясь довольной улыбкой, тряхнул головой и вышел.

Кекин по-прежнему сидел на диване в гостиной и начинал терять терпение. Черт знает, в самом-то деле, какое глупое положение... Куда Катенька убежала?... Но в этот момент вошла Антонида Степановна.

– Мы еще с вами не видались сегодня, Владимир Евгеньич... – проговорила она, тяжело опускаясь в кресло. – Катенька сейчас выйдет... Знаете, молодая девушка... все для

нее так ново... нервы... ведь все мы, женщины, одинаковы.

Она уговаривала рассерженного жениха, как ребенка, и Кекин постепенно отошел. Если уж действительно все женщины одинаковы, то что тут поделаешь?..

– Вы поставьте себя на место Катеньки... – продолжала Антонида Степановна, прикладывая платок к глазам. – Она еще так молода... не понимает своего счастья...

– О, я понимаю... все понимаю... – растроганно отвечал Кекин и даже поцеловал руку у Антониды Степановна. – Вообще, комбинация...

III

Семья Вициных сложилась довольно оригинальным образом, как складываются семьи, может быть, только на Руси.

Антонида Степановна за доктора Вицина вышла уже второй. Первый ее муж, отец Катеньки, был вдовец, и она «вышла на детей», как говорят свахи. У Ордина осталось от первой жены двое детей – старшая дочь Катенька и сын Семен. Антонида Степановна пригрела сирот и прибавила еще от себя троих детей, так что когда Ордин волею Божией помер, у ней осталось на руках целых пять сирот. Положение было совсем безвыходное, если бы она не вышла замуж во второй раз за доктора Вицина и опять «на детей» – у доктора сиротело целых четверо ребят.

– Что же, нам уж заодно возиться с ребятами, Антонида Степановна... – говорил Вицин, когда делал предложение. – Такая уж судьба... Бог даст не съедят, пока мы живы.

У «молодых» образовался с первых дней воспитательный дом, а потом Антонида Степановна подарила мужу еще троих. Получился настоящий муравейник, причем трудно было разобрать чужих от своих, да Антонида Степановна и не делала между детьми различия – всех Бог дал, что же тут разбирать. Сам Вицин был незлой человек, но на детей он не обращал никакого внимания, предоставив все жене: это ее бабье дело. У него служба, дела, а ребятишки только ме-

шают. Он заметил Катеньку уже в седьмом классе гимназии, когда она совсем выровнялась и сделалась взрослой красивой девушкой. Даже и по жене Катенька была доктору чужая, и он часто поглядывал на нее прищуренными глазами. Женщин он всегда любил, но жизнь так сложилась, что пришлось удовольствоваться самой серенькой обстановкой, а тут постоянно на глазах вертится такая свеженькая и красивая девушка. Дурных мыслей старик не имел, но его так и тянуло обнять это цветущее молодое тело, которое точно говорило ему о собственной старости и неудовлетворенной жажде жизни. Антонида Степановна хорошо знала слабости мужа и поэтому никогда не держала в доме красивой женской прислуги – ведь все мужчины одинаковы, как и женщины. Это было ее философией, которая каждый день приносила какое-нибудь новое подтверждение. Старший сын доктора, гимназист седьмого класса, тоже ухаживал за Катенькой и не пропускал удобного случая поймать ее где-нибудь в темной комнате, ущипнуть и прошептать на ухо что-нибудь скабрешное. Раз Антонида Степановна наткнулась на сцену, когда Сережа обнимал Катеньку, загнав ее в угол гостиной.

– Дети... что вы делаете?! – ужаснулась Антонида Степановна, пораженная как громом. – Ведь вы брат и сестра...

Сережа, конечно, убежал, как и следует мужчине, а Катенька осталась, сконфуженная, обиженная, жалкая.

– Разве можно себя так держать? – обрушилась на нее Антонида Степановна. – Ты самая большая в семье и должна

подавать пример другим... Наконец, каждая женщина сама заслуживает того, как с ней обращаться. Я сама была девушкой и могу сказать, что никто не смел обнимать меня, как горничную.

– Я... я не виновата... – бормотала Катенька, стораая от стыда и новой несправедливости. – Если они сами лезут... не дают прохода.

– Кто это «они»? Сережка... Да ведь он мальчишка, которого нужно за уши еще драть. И не оправдывайся: для меня все вы равны и за всех я должна дать ответ Богу. Да...

Из этого случая Катенька вывела только одно заключение: что женщины всегда, везде и во всем виноваты, а мужчины всегда, везде и во всем правы. Им все можно, а женщины должны все переносить. Это было несправедливо, и она возненавидела сильнейший пол, больше – она почувствовала к мужчинам чисто физическое отвращение, как к чему-то неприличному и вообще гадкому.

Средства доктора Вицина были очень ограниченные, а поэтому громадная семья, как тыном, была окружена тысячью неотступных нужд. Одна обувь чего стоила, а потом всех нужно было одеть и накормить. Квартира была мала и неудобна, а дети сбились в двух комнатах. Катенька, в качестве старшей в семье, должна была помогать мачехе и по хозяйству, и по части первоначального обучения. Эта орава детей требовала страшного напряжения, чтобы все было в порядке, да еще сама Антонида Степановна постоянно при-

хварывала. С подраставшими детьми увеличивались и нужды. Недостаток надзора отзывался, конечно, на детях прежде всего тем, что они никого знать не хотели в доме и забрали незаметно такую волю, что посторонний человек, в первый раз попадавший в докторскую квартиру, в ужасе затыкал уши. Это был настоящий ад, где голосили, ревели, орали и выкрикивали на все тона неугомонные детские рты.

Как мы уже сказали, Катенька отдыхала только у Тихменевых, куда ей редко приходилось попадать. Ее подруга Любочка была пухлая избалованная девушка, которая еще гимназисткой увлеклась талантами Тихменева и вышла за него замуж против воли родителей – убегом. Она была молода и красива, ничего не делала и по-своему чувствовала себя счастливой, потому что ни о чем не нужно было думать. Сам Тихменев редко бывал дома, потому что вечно пропадал где-нибудь по чиновничьим вечеринкам, на холостых пирушках, по любительским спектаклям, а если некуда было идти, то коротал время в клубе или в театре. У него весь город был знаком, а за кулисами он был как у себя дома. Такая рассеянная жизнь не удивляла Любочку, потому что у ней вечно кто-нибудь вертелся из хороших знакомых и она удовлетворялась легкими ухаживаниями этих гостей. Все-таки в результате получался хотя призрак счастья, и Катенька завидовала этой Любочке, у которой был свой угол, известное общественное положение и условная свобода замужней женщины. Тихменев всегда был внимателен к жене, весел, и день

за днем время катилось незаметно. Катенька с удовольствием поменялась бы с Любочкой житейскими ролями.

Тихменев со всеми женщинами усвоил себе то свободное и полуплутовское обращение, какое полагается таким добрым малым; поэтому Катенька не обращала внимания, когда он по ошибке обнимал ее.

– Я вас все смешиваю с женой... – отшучивался он с развязностью избалованного человека. – Что делать: проклятая близорукость.

Близорукости никакой не было, но Тихменев носил пенсне для шика, особенно когда бывал в театре.

Раз на Масленице они катались целой компанией. Катенька попала в одни сани с Тихменевым. Он был слегка навеселе и фамильярно обнял ее.

– Послушайте, Аркадий Борисыч... – строго заметила Катенька, освобождаясь от этих объятий. – Вы так себя ведете, что я должна буду пожаловаться Любочке...

– Что же, жалуйтесь, – засмеялся он, привлекая ее к себе и целуя в щеку. – Во-первых, Бог велел любить ближнего, во-вторых, сегодня Масленица, в-третьих, я катаюсь с дамой и, наконец, я просто пьян. Для чего же устраиваются такие пикники, на которых мужей и жен рассаживают по разным экипажам?.. Перестаньте, пожалуйста, разыгрывать из себя недотрогу царевну, а то я сам должен пожаловаться на вас Любочке...

Потом Катенька узнала, что Тихменев вел вообще очень

свободную жизнь и потихоньку от жены разыгрывал свои дешевенькие романы, не пропуская ни одной горничной. К Антониде Степановне время от времени завертывали разные старушки и своя сестра чиновница. Эти женщины всегда приносили с собой целый ворох самых свежих новостей, и городская жизнь делалась известной до последних интимных подробностей. Гости не стеснялись присутствием Катеньки, – что же, девушка большая, того гляди сама замуж выскочит, – и рассказывали всю подноготную. Антониде Степановна почти нигде не бывала и сама говорить о других дурное не любила, но послушать чужие толки и пересуды была не прочь. Благодаря этим разговорам кумушек Катенька окончательно убедилась в своем мнении, что все мужчины мерзавцы, и если есть среди них порядочные люди, то это потому только, что это или круглые дураки, или такие редкие исключения, какие не могут идти ни в какой счет, да и своих живых примеров было достаточно – тот же рара Вицин, Сережка, Тихменев.

Это с одной стороны, а с другой – Катенька уже была сформировавшаяся девушка, и в ней иногда просыпались чувственные порывы. Вся окружавшая ее обстановка наталкивала ее мысль и чувство именно в эту сторону. Являлась тоска, апатия и припадки уныния. Мечтать она не любила, как другие девушки, может быть, потому, что у ней не было подруг, да и времени свободного тоже. Появление Кекина не обрадовало ее и не опечалило: не все ли равно, за кого

выходить замуж. Когда Антонида Степановна приступила к ней с предварительными объяснениями, Катенька откровенно сказала:

– Мама, ведь я не маленькая и понимаю, зачем он ходит к нам.

Конечно, Антонида Степановна прослезилась, начала крестить Катеньку и все повторяла, что она не гонит ее, как другие мачехи, не избывает, а как она сама хочет. Кекин не красавец и не первой молодости, но человек хороший и т. д.

Но чем ближе делался роковой момент, Катенькой начало овладевать безотчетное беспокойство. Хотя она и не ждала ничего особенного от жизни, но провести ее с глазу на глаз с Кекиным, сделаться матерью его детей – это ее пугало все больше и больше. Она его не только не любила, но и не уважала – что же это будет за жизнь? А тут еще Тихменев зачастил к ним в дом и все распевает свои романсы... Она чувствовала, что он приходит именно к ней, поцеловать у ней руку, вообще – ухаживает. Сначала ее это злило, а потом она сама не могла дать себе отчета, как произошел в ней переворот и она с какой-то жадностью пошла навстречу к нему. Пусть будет что будет!..

В роковой вечер своего объяснения с Тихменевым в передней Катенька была окончательно разбита. Она не спала всю ночь напролет и все думала, думала, думала... Она уже видела себя m-me Кекиной, видела обстановку своей новой жизни и ту страшную пустоту, которую она принесет туда.

Все равно Кекин получит то, чего искал – ее молодость и девичью красоту, а что же ей останется?.. Катенька плакала и ломала руки в отчаянии. Скверно было оставаться здесь и скверно было впереди. В забытьи она звала Тихменева и чувствовала, как над ней наклонялось его молодое красивое лицо, а в ушах стояли страстно призывавшие строфы его романсов. Ведь за миг такого счастья можно отдать всю жизнь, чем зачехнуть с этой деревяшкой.

– А, так вы вот как, – корила она кого-то, – так я же знаю, что мне делать. Да... У меня есть своя комбинация.

Мысль, ударившая ее как молния, действительно была дикая и нелепая, но Катенька ухватилась именно за нее: хотя что-нибудь взять у мачехи судьбы! Она и встала с веселым лицом, полная отчаянной решимости привести в исполнение свой план. Все равно ведь она уже сказала Тихменеву, что любит его.

IV

Вечером Кекин пришел в свой час и занял свое место на диване в гостиной. Катенька встретила его в передней с бледным и встревоженным лицом.

– Вы не совсем здоровы? – заметил Кекин, заглядывая в лицо.

– Да... я плохо спала ночь.

– Нужно беречь здоровье.

Девушка молчала, по-гимназически перебирая пуговицы платья.

Гостиная так же была освещена одной лампой, и так же Катенька села далеко от своего жениха. Разговор плохо клеился, и шмыгавшие через гостиную дети мешали Кекину подсесть ближе. Он два раза протер свои очки и улыбнулся в пространство. У него сегодня выдался счастливый день: в седьмом классе написали прекрасный *emendatum*¹, потом директор поздравил с женитьбой, лукаво подмигнул, и, наконец, он после обеда заходил на будущую свою квартиру, где уже делались необходимые приготовления. Вообще все шло отлично, и Кекин, шагая по тротуарам к квартире Вицина, даже бурчал какой-то мотив неизвестного происхождения.

¹ Здесь: исправленный текст, перевод и т. д. (лат.).

– Итак, я считаю, что мы объяснились вполне... – заговорил он, протягивая руку по спинке дивана. – Это главное. Не правда ли?..

Он забыл только одно, что говорил все время он один, а Катенька только слушала и соглашалась. Но ведь это все равно: он так привык, чтобы его все слушали. Мир в его представлении рисовался чем-то вроде громадного класса, где одни учат, а другие учатся.

– Вы, Владимир Евгеньич, говорили, что в женщине уважаете прежде всего человека... – начала нерешительно Катенька, чувствуя, что лицо у ней покрывается розовыми пятнами.

– Да, говорил...

– Потом вы говорили... Как это сказать?.. Все понимать – все прощать...

– Это сказала m-me de Сталь. Очень умная женщина, которая знала даже латинский язык...

– Потом вы говорили еще про откровенность...

– Да... Это неперемное условие, чтобы впоследствии не происходило никаких недоразумений. Впрочем, я говорил относительно...

– Но ведь есть некоторые вещи, которые невозможно сказать... то есть человек скрывает из страха позора, презрения.

Она остановилась и посмотрела на дверь в зал, за которой уже слышался сдержанный шепот и топтанье детских ног.

– Что вы хотите сказать? – удивился Кекин и еще раз про-

тер очки.

– Я говорю, что иногда страх удерживает человека от желания высказаться... В обществе так много предрассудков и вообще несправедливости. Наконец, есть известные требования, которые почему-то предъявляются одной стороне... Мужчина, когда женится, идет с открытым лицом и никто не спрашивает... не спрашивает, как он провел свою молодость. Даже больше: его самые некрасивые поступки сходят за какое-то молодечество... Мужчины думают, что женщины, то есть девушки, ничего не понимают и верят их каждому слову.

– Ну, да... конечно, бывают случаи... – мычал Кекин, с удивлением глядя на заговорившую в первый раз Катеньку. – Но мне не ясно одно... Да, одно. К чему вы ведете речь в таком именно направлении?

– Я хочу сказать только то, что мужчина все себе может позволить и ни за что не отвечает...

– Вы хотите сказать: холостой мужчина?

– А разве это не все равно? Холостой будет женатым... Разве невеста не вправе спросить его откровенно... то есть я, конечно, вас не буду спрашивать, Владимир Евгеньич, потому что такой вопрос для девушки считается неприличным. Женщины должны удовлетворяться тем, что им достанется...

«Вот тебе и откровенность: сам навязал», – думал Кекин, предчувствуя неприятность.

Катеньке вдруг сделалось дурно, и Кекину пришлось в первый раз в жизни бежать за стаканом воды для женщины. В зале он наткнулся на кучу ребят, которые бросились от него врассыпную. «Комбинация!» – едва успел крикнуть кто-то, удирая во все лопатки. Когда он вернулся с водой, Катенька сидела на диване бледная как полотно. Выпив воды, она заметно успокоилась.

– Оставимте этот разговор... – просил Кекин, расхаживая по гостиной. – Я лучше расскажу вам о квартире, то есть о нашей квартире. Да. Всего пять комнат, мебель я беру напрокат, улица тихая и недалеко от гимназии, одним словом, все условия... да, все условия.

– Нет, мне необходимо докончить этот разговор... – перебила Катенька с непонятной для него настойчивостью.

– Не лучше ли в другой раз, Екатерина Васильевна?

– Нет, сегодня или никогда.

Кекину пришлось занять свое место на диване и приготовиться слушать, но им помешала горничная, подававшая чай. Чайная ложечка жалобно зазвенела в руках Катеньки, точно она дрожала со страха.

– Вот вы говорите о справедливости, об уважении к женщине... – заговорила девушка, переводя дух. – Но этого нет...

– Нет, уж извините... я знаю такую женщину, то есть девушку, которую уважаю и люблю больше всего на свете! – выпалил Кекин неожиданно для самого себя.

– Дайте мне кончить... Все это одни хорошие слова. Уважение к женщине вращается в таком тесном кругу и не переходит границ... как это сказать? Ну, да это все равно... Возьмите такой случай: может быть, так называемая девушка с прошлым...

– Как вы сказали?

– Разве вы не знаете, что называется девушкой с прошлым?

– Ах, да... виноват... – смутился Кекин и как-то вдруг съежился.

– Мужчины все с таким прошлым, а девушки являются исключением... Может быть со всяким человеком известная ошибка, увлечение, просто случайность, вообще несчастье, но разве девушке прощается что-нибудь?

Теперь Катенька смотрела уже прямо в глаза Кекину и даже придвинулась к нему. Глаза у ней горели, а рука, лежавшая на столе, вздрагивала.

– Такая девушка покрыта вечным позором... Ее казнят... и кто же? Тот человек, который сделал девушку несчастной, остается в стороне, и у него только одним приятным воспоминанием больше, да и общество на такие шалости смотрит снисходительно. Есть жертва, на которой и вымещается все. Позвольте... Если простая физическая ошибка, заметьте – всего одна ошибка, навсегда губит девушку, то что же нам говорить об уважении к женщине, о всепрощении – вообще о том, чего нет и не бывало? На чем же держится вся наша

нравственность и уважение?.. Ведь это, наконец, обидно...

– Позвольте... что вы хотите этим сказать, Екатерина Васильевна? – бормотал Кекин, отодвигаясь от нее.

– Вы не догадываетесь, Владимир Евгеньич, а еще столько говорили об откровенности... вы вперед готовы возненавидеть человека, которому проповедовали эту мораль...

– Вы... вы... вы...

– Да, я именно такая девушка... с прошлым...

Последние слова Катенька проговорила уже стоя, ухватившись одной рукой за стол. Роковое слово точно остановилось у ней в горле... Кекин предчувствовал удар и старался не смотреть на нее. Когда он открыл глаза – Катеньки уже не было в гостинной.

– Вот так комбинация... – растерянно бормотал он, не зная, что делать: убежать неловко, оставаться – того хуже.

На выручку ему явилась Антонида Степановна, – она прибежала встревоженная, испуганная, жалкая.

– Что такое случилось, Владимир Евгеньич: с Катенькой истерика...

– Истерика? – переспросил Кекин. – Ах, да... До свиданья, Антонида Степановна.

– Да куда же вы, Владимир Евгеньич? Нет, я вас не пущу... Может быть, какие-нибудь пустяки... Катенька еще глупа и ничего не понимает...

– Потом... потом... – бормотал Кекин, отыскивая свою шапку.

Так он и не сказал ничего Антониде Степановне, как она ни удерживала его. Разве он имел право выдавать чужую тайну, а Катенька ему сейчас была чужая... А он и квартиру нанял, и директор поздравлял – вот так комбинация в самом-то деле!

В передней Кекин лицом к лицу столкнулся с Тихменевым. Они посмотрели друг на друга, смеряли с головы до ног и отвернулись – Кекин как виноватый выскочил из передней, а Тихменев только развел руками.

– Спятил, голубчик, – даже пожалел он.

– Ну, брат, у нас истерики, – объяснил все доктор, когда Тихменев вошел в кабинет. – Моя старуха катается в гостиной, а Катенька упражняется в своей комнате, то есть в детской... Ничего не пойму. И все это болван Кекин наделал.

– Он меня чуть с ног не сшиб в передней...

– Дикарь, одним словом.

Вечер в доме Вициных, несмотря на присутствие Тихменева, прошел скучно. Антонида Степановна ходила с заплаканными глазами и несколько раз напрасно стучалась в комнату к Катеньке – добрая женщина уже вперед обвиняла падчерицу во всей истории.

Когда Тихменев уходил, Катенька, наконец, показалась из своего заточения. Она улучила минутку, чтобы рассказать ему все.

– Катерина Васильевна, – бормотал он, пораженный всем случившимся. – Да как это вам в голову-то пришло?.. Да это

что же такое?..

– Ах, не спрашивай... Все равно пропадать... – шептала она. – Он глуп и, посмотри, сам же придет ко мне... Я ненавижу... он поверил, что я девушка с прошлым... ха-ха!..

– Катенька... Катя... Катька!..

– Ты теперь мой, мой, мой!.. Хоть на день, на неделю, но мой... Уедем куда-нибудь! Я вперед пережила свой позор, свой девичий стыд...

На Тихменева вдруг накатило раздумье: если эта Катенька была способна выкинуть такую штуку, то потом от нее не скоро отвяжешься... Такие бабы прямо с револьвером охотятся за своими аманами: цок – и амана как не бывало! Но, с другой стороны, его захватила самая смелость Катенькиной выдумки и потом – в каких дураках Кекин-то останется!

– Завтра я получу от него письмо и выговорю себе условием одну неделю... нет, две... У меня есть какая-то тетка, так будто к ней съездить. Ты будь готов.

Она теперь целовала его уже сама как сумасшедшая, плакала и смеялась, и опять плакала, улыбаясь сквозь слезы.

– Люблю, люблю... тебя люблю... – шептала она, прижимаясь к нему всем телом, точно хотела прирасти к нему. – Я погибла, не живя... не любя... я гадкая... Ах, как мне было стыдно лгать на себя и обманывать его!.. Я что-то такое много говорила и даже на него нападала...

V

Письма от Кекина не было три дня, но Катенька была спокойна – шла вперед очертя голову. Объяснение с Антониной Степановной ни к чему не повело, и Катенька повторяла только одно:

– Оставьте меня, мама... М-ме Кекиной я еще успею быть.

На четвертый день явилось наконец письмо. Его принес почтальон вечером, когда Тихменев сидел за роялем, а Катенька разучивала под его руководством цыганский романс «Ночи безумные, ночи бессонные...». Катенька ниоткуда не получала писем, поэтому все ребята смотрели на почтальона с разинутым ртом.

– Екатерине Васильевне Ординой... – громко провозгласил гимназист, подавая письмо. – От Комбинации...

Тихменев сделал вид, что ничего не замечает, и продолжал разбирать ноты. Катенька равнодушно взяла письмо, разорвала конверт, пробежала небольшой листик почтовой бумаги и подала Тихменеву.

«Милостивая государыня Екатерина Васильевна, – писал Кекин мелким, сливавшимся почерком. – За эти три дня я так много пережил... Вы поймете мои чувства. Но не будем говорить о прошлом, а будущее зависит от Вас. Обдумайте свое положение, загляните в собственную душу и решите, в

состоянии ли Вы принять на себя священные обязанности жены и, может быть, матери. От своих слов я не отказываюсь, потому что слишком любил Вас и люблю... У всякого, видно, есть своя судьба, от которой не уйдешь. Греки называли это „ананки“, а римляне – fatum... Мне страшно не за себя – я проверил себя и приготовился, но страшно за Вас. Уважающий в Вас свою будущую жену Владимир Кекин».

– Дурак... – решил Тихменев, возвращая письмо. – Эткими болванами тын подпирать.

Катенька ответила только через день и поставила непременным условием, что перед свадьбой уедет на две недели к тетке. «Мне тоже нужно подумать и прийти в себя, – писала она своим ученическим почерком, – а при нашей обстановке это невозможно... Я тоже много пережила за эти дни и не думаю, чтобы Вам было тяжелее. Во всяком случае, я не желаю и не имею права связывать Вас данным словом: Вы ошиблись в том, чего искали. Не лучше ли будет, если мы расстанемся навсегда?» Уверенная в чувствах Кекина, Катенька писала эти строки с легким сердцем: нужно выдержать свою роль до конца. Только когда письмо совсем было готово, на Катеньку напало раздумье, она еще раз перечитала письмо Кекина и ее точно кольнул его простой, душевный тон. А она, что она делает? Но теперь уже поздно...

Вместо ответа Кекин явился сам, желтый, растерянный. Он соглашался со всем, только бы скорее все кончилось.

– Вы были больны? – спрашивала Катенька, проникаясь

участием к нему. – У вас такой цвет лица нехороший.

– Это так... это пройдет... Пришел взглянуть на вас. Со-
скучился, не могу...

Ей сделалось вдруг жаль его, но это было мимолетное чув-
ство, погасшее так же быстро, как вспыхнуло. Опять та же
гостиная, та же лампа, тот же tête-à-tête и тот же шепот за
дверями. Кекин больше не читал наставлений и не заводил
поучительных разговоров, а только потирал очки и тер себе
лоб.

– Я вам расскажу когда-нибудь о лучшем римском импе-
раторе... – говорил он ни к селу ни к городу. – Марк Авре-
лий... да. Замечательный человек... Кстати, вы позволите
мне проводить вас, Екатерина Васильевна? Я непременно
приду... Ведь две недели одиночества для меня – это ужасно
долго.

– Нет, лучше не приходите: мне будет тяжело прощаться
с вами.

Он согласился. Это было наконец возмутительно: в этом
глупом человеке даже не было мужского самолюбия, имен-
но – настоять на своем.

Катенька уехала по железной дороге. Тихменев уехал
днем раньше и ждал ее на одной из промежуточных станций.
Кекин прибежал к Вициным в тот же вечер, «повертелся»
с четверть часа и ушел.

– Какой-то он чудной. Христос с ним, – решила Антонида
Степановна, качая озабоченно головой.

– Не забыла ли она калош? – спрашивал Кекин. – И плед взяла? Ну, отлично...

Он еще завертывал раз пять и смотрел выжидательно на Антониду Степановну. Она понимала этот немой вопрос: бедняга ждал письма, но письма не было. Настоящий петух, у которого курица забежала в чужой двор!..

Ровно через две недели в назначенный срок Кекин собрался на вокзал за час до прихода поезда. Публики было мало, и он то ходил по зале, то заглядывал на часы. Мало ли что может быть: сойдет поезд с рельс, стрелочник перепутает сигнал.... В довершение несчастья поезд действительно опоздал на целых десять минут благодаря снежному заносу. Ведь вот ни раньше ни позже явился этот занос. Наконец, часы показали 7 часов и 11 минут. Вдали, где-то точно под землей, раздался хриплый свисток, потом длинная пауза, и поезд с лязгом и шипеньем подполз к платформе, точно железная змея, собиравшая свои кольца.

Катенька весело выпорхнула из вагона второго класса и немного смутилась, когда увидала его счастливо-встревоженное лицо. За ней показался Тихменев, который сейчас же спрятался, завидев Кекина.

– Наконец-то... – счастливо шептал Кекин, отнимая у невесты какой-то кожаный мешочек. – Ну, что, как твоя тет-ка?..

Он еще в первый раз сказал «твоя» и точно сам испугался собственной смелости. Но она так устала с дороги, что не

заметила этого смущения и только чуть не спросила: какая тетка? Лицо у ней было такое утомленное, движения вялые.

– Это пройдет... – устало ответила она, когда он спросил о здоровье.

Через неделю Катенька была уже m-me Кекина. Свадьба была скромная, так что доктор Вицин не успел даже рассказать тех пикантных анекдотов и намеков, какие говорятя в таких случаях.

Молодые устроились на новой квартире. Как сжалось сердце у Катеньки, когда она в первый раз переступила порог своего нового гнезда. Предчувствие чего-то тяжелого и нехорошего явилось у ней при виде этой пустой квартиры, которую она должна была оживить. Но она не плакала, не горевала, а точно вся застыла. Кекин объяснял такое состояние по-своему и старался развлечь жену. О, теперь он отвечает за все – есть только одно настоящее. У него есть свой domus², есть жена, а остальное все пустяки: подозрение да не коснется жены цезаря, а в своем доме каждый человек цезарь. Эти ласки и внимание смущали К-теньку больше всего, и она краснела каждый раз. Такая застенчивость приводила Кекина в восторг: жена сразу поддавалась ему и входила в круг его влияния.

– Не хочешь ли ты чего-нибудь, Катя? – повторял он каждый день, возвращаясь с уроков в гимназии.

– Нет, мне ничего не нужно... – отвечала она с какой-то

² дом (лат.).

торопливостью.

Это его огорчало, и он напрасно старался угадать ее вкусы и маленькие желания.

Когда в первый раз явилась к Кекиным Антонида Степановна, она сделала строгую ревизию всему хозяйству и высыпала целый ряд советов. Кекин был в восторге и со всем соглашался.

– Что же ты все молчишь? – спросила Антонида Степановна молодую хозяйку и посмотрела на нее строгим и проницательным взглядом – ее любящее материнское сердце подсказало ей, что здесь что-то неладно.

Когда Кекин уходил на службу, наступали такие томительно долгие часы. Катенька ходила по комнатам, пробовала читать, но ничего у ней не клеилось. Эти стены были для нее чужие, да и сама она чувствовала себя чужой, тенью, призраком той женщины, которая по праву заняла бы здесь свое место. Она просто боялась оставаться одна, но вместе с тем никуда не желала ни выходить, ни выезжать. Тихменев подсылал к ней несколько записок, назначал свиданья, но ответа не получал. Катенька точно в воду канула.

Однажды, когда Кекин вернулся из своей гимназии, Катенька встретила его в передней и бросилась к нему на шею. Она с нетерпением ждала его целое утро и теперь, краснея и сбиваясь, объяснила, что, может быть, скоро он будет отцом. Кекин даже уронил очки от радости.

– Я?.. Отцом?.. – бормотал он, обводя глазами комнату. –

Да я сейчас счастливее десяти Марков Аврелиев...

Эти ожидания оправдались. Опять явилась Антонида Степановна со своими советами, но отнеслась к этой семейной радости как-то холодно и все подозрительно поглядывала на Катеньку.

– Что же, дай Бог, – повторяла она. – Дело житейское...

В следующий раз она явилась в сопровождении своей знакомой акушерки Маремьяны Петровны, которая походила на монахиню. Женщины приняли самое деятельное участие в положении Катеньки и долго шептались между собой, многозначительно переглядывались и качали головами. Кекин от радости расцеловал вместо Антониды Степановны акушерку, которая даже отплюнулась.

Катеньке были прописаны прогулки. Она протестовала, но Маремьяна Петровна была неумолима: нужно – значит и говорить не о чем.

– Нечего привередничать, – говорила Антонида Степановна. – Пока муж в гимназии, ты и гуляй.

Чего Катенька боялась, то и случилось. На одной из таких утренних прогулок она встретила с Тихменевым. Он сначала издали раскланялся, а потом пошел за ней. Она слышала его приближавшиеся шаги и остановилась.

– Что вам еще нужно от меня? – спросила она, тяжело переводя дух.

– Катенька, да что с вами?

Она с удивлением посмотрела на него широко раскрыты-

ми, испуганными глазами и сделала шаг вперед.

– Катенька...

– Не смейте меня так называть! – остановила она его.

– Да перестань, пожалуйста, все это глупые сентиментальности. Нужно смотреть на вещи прямо.

– Послушайте, Аркадий Борисыч... – заговорила она, тяжело переводя дух. – Знаете ли вы, что он, этот смешной Владимир Евгеньич, лучше нас обоих в тысячу раз?

– Это и нетрудно, Катерина Васильевна...

– Да, лучше, – повторяла она, не слушая его. – Он действительно любит меня, он так добр, а я... я должна еще раз обмануть его: он будет отцом чужого ребенка... Прощайте навсегда... навсегда...

Тихменев остался один на тротуаре и долго провожал глазами уходившую от него Катеньку. «Все эти бабы походят одна на другую, – думал он в огорчении. – Ну, с чего она так размякла?..»

VI

Стояла глубокая осень. Земля промерзла и звенела под колесами экипажей, как стекло. Начинал выпадать снег, но сейчас же таял, превращаясь в тонкий слой льда. Пешеходы падали, лошади спотыкались, и движение даже по главной улице заметно уменьшилось. Вообще весь город точно спрятался. Это была пора семейных радостей и маленьких домашних удовольствий. Никого не тянуло вон из дома, как летом, и люди сгрудились, как сбившаяся на зимних становищах перелетная птица.

Когда по улице катился экипаж, особенно ночью, Катенька с болезненным напряжением прислушивалась к приближавшимся и исчезающим звукам. Вот это стучит колесо, а это лязг копыт по обледеневшей мостовой. Странно, что теперь все звуки, как в центре, сосредоточивались у ней в ухе, а потом отдавались внутренней болью. Раньше Катенька не чувствовала, что она слушает и что у ней есть уши, – процесс слуховых впечатлений совершался помимо сознания, которое пользовалось только готовыми материалами. То же было и с глазами: тогда Катенька только видела то или другое, а теперь чувствовала, что она смотрит. Вообще нервная чуткость развивалась в ней все сильнее. Катенька даже удивлялась, что другие могут так спокойно ходить и вообще двигаться, когда она должна лежать совершенно неподвижно,

и боялась шевельнуться, – раздавленный человек, вероятно, испытывает то же. Всякое постороннее движение ее раздражало, особенно когда по комнате мимо ее кровати своими неслышными шагами двигалась Маремьяна Петровна. Катенька закрывала даже глаза, чтобы не видеть ее.

– Не нужно шевелиться, милая, – повторяла акушерка по тысяче раз на день. – Потерпите, голубушка, еще пять дней. Много терпели – немножко остается дотерпеть.

Неужели Катенька опять будет ходить, двигаться, даже танцевать? Эта мысль ее удивляла. Позади оставалось что-то такое страшное, бессмысленное, жестокое и вообще ужасное, что она старалась о нем не думать. Первые муки материнства на время уничтожили начинавшийся в ней внутренний перелом. Она даже не боялась умереть, только бы все это случилось скорее. Те радости матери, когда она слышит первый крик первого ребенка, для нее остались неиспытанными.

Она даже не полюбопытствовала узнать, кто родился – мальчик или девочка. Не все ли равно? Это равнодушие очень беспокоило Маремьяну Петровну, и старушка смешно поднимала одну бровь. Антонида Степановна заходила проводить больную каждый день и таинственно шепталась с акушеркою.

– Конечно, мальчик бы лучше... – повторяла грустно акушерка. – Ну, да ничего, девчонка такая славная, как огурчик. Роды были трудные, и доктор удивлялся терпению боль-

ной, не проронившей ни одной жалобы. Когда ей показали родившуюся девочку, Катенька взглянула на ребенка мельком и даже не поцеловала, а знаком руки попросила унести его: она узнала в нем того, о ком боялась думать. Это было страшное наказание, которое останется на целую жизнь и переживет ее. Только мать могла почувствовать то, что чувствовала она, угадывая чутьем по форме лба и разрезу глаз настоящего отца ребенка. Шумная радость Владимира Евгеньича приводила ее в отчаяние, хотя он, по эгоизму всех молодых мужей, радовался не за ребенка, а за мать – ведь он так любил ее, а она могла умереть.

А он так радовался и постоянно бегал в детскую, вызывая покровительственную улыбку Маремьяны Петровны. Когда он в первый раз захотел взять ребенка на руки, акушерка предупредила его:

– Пожалуйста, осторожнее, а то некоторые отцы берут детей за голову...

Да, он был отец и переживал целый ряд еще не испытанных ощущений, начиная с какого-то виноватого чувства перед женой. Ведь она одна своими муками выстрадала его радость, и он пользовался как бы краденым счастьем. По ночам он часто приходил в спальню, чтобы узнать, спит ли жена и не нужно ли ей чего. О, она никогда ничего не просила у него и оставалась такой же и теперь. За время болезни она очень изменилась, и он заметил, что она рада, когда он заходит к ней в комнату. Она встречала и провожала его глазами,

улыбаясь печальной улыбкой.

– Все идет отлично, – успокаивал доктор, когда Кекин приставал к нему с теми глупыми вопросами, какие рождаются в голове встревоженных людей и ужасно сердят докторов. – Вы, кажется, воображаете, что на всем земном шаре вы единственный отец? Даже в болезнях люди повторяются, как во всем другом.

– Я больше не буду, доктор... – по-школьнически оправдывался Кекин.

А больная все лежала и думала. Старое возвращалось к ней с новой силой. Она чувствовала, что с ней что-то делается, чего не замечают другие и чего не проверить никакими термометрами. Иногда начиналось головокружение, являлась острая боль в спине, а в глазах предметы расплывались в пятна. Однажды, когда она проснулась утром, Маремьяна Петровна посмотрела ей в лицо и встревожилась.

– У вас, голубушка, глаза нехороши, – прошептала она, поднимая уже обе брови.

– Пустяки, это вам так кажется, – оправдывалась больная.

Но эти пустяки оказались серьезнее, чем в первый раз предположила старая акушерка. У Катеньки открывалась родильная горячка. Экстренно приглашенный доктор только покачал головой.

– Что, доктор? – спрашивал Кекин, дожидавшийся в передней.

– Хорошего ничего нет...

Кекину показалось, что он ослышался, и он посмотрел на доктора остановившимися глупыми глазами.

– Нужно терпение и... и твердость, – посоветовал доктор, надевая калоши. – Жизнь – плохая шутка.

Кекин в ужасе почувствовал себя несчастнее десяти Марков Аврелиев... В одной России родятся миллионы детей, и неужели она, Катенька, должна умереть? Нет, это глупо, бессмысленно и дико. Его так и тянуло взглянуть на больную, но он боялся идти в спальню, чтобы не выдать себя печальным выражением лица, вздохом, вообще движением. Он чувствовал себя виноватым, как провалившийся из главного предмета на экзамене школьник.

– Вот оно, спокойствие-то, и объяснилось, – шушукала акушерка.

Катенька сама позвала мужа в спальню. Когда он вошел, она лежала вся красная от охватившего ее жара, а потом начался пароксизм лихорадки, так что он слышал, как стучали у ней зубы. Боже мой, а давно ли они сидели вдвоем на диване там, в гостиной у Вициных, а она так мило краснела, слушая его! Счастье разваливалось на его глазах, а он мог только смотреть и страдать, молча и глубоко страдать.

– Подойди ближе... – шептала она. – Наклонись.

Она взяла его за голову и долго смотрела ему в глаза, – неужели это тот Кекин, какого она знала раньше? Он ее так любил...

– Ты добрый... хороший, – продолжала она. – Спасибо за

все...

– Катя, ты точно... точно прощаешься... зачем?..

У ней лицо вдруг сделалось серьезным, и явилось то детское выражение, которое так любил Кекин.

– Я не боюсь смерти... ты мне скажи, Володя, когда пойдет первый снег.

– Для чего это тебе?

– О, нужно... очень нужно...

Кекин выбежал и долго рыдал в своем кабинете. Это были те бессильные жалкие слезы, какими плачут только мужчины.

А больная всех спрашивала, когда пойдет первый снег, и ждала этого момента с лихорадочным нетерпением. Даже в бреду, когда она металась на своей кровати, мысль о снеге не покидала ее... Наконец, в одно утро показался снег – Маремьяна Петровна даже распахнула занавески, чтобы показать больной, как в воздухе кружились пушистые снежинки. Катенька вдруг успокоилась и затихла – ей в первый раз сделалось легко, точно она сбросила с себя давившую ее тяжесть. В окно врвался белый свет.

– Позовите мужа... – просила больная.

Он пришел, стараясь не выдать душивших его слез. На этот раз больная не просила его садиться ближе, а несколько времени молчала, точно собираясь с силами. Обведя комнату глазами, она сделала Маремьяне Петровне знак, чтобы та вышла из комнаты.

– Тебе лучше, моя дорогая?..

– Да... лучше!

В нем вспыхнула на мгновение безумная надежда на возможность благополучного исхода: недаром же она так ждала первого снега! Он жаждал чуда, потому что ум отказывался понимать.

– Владимир Евгеньич...

– Я, моя хорошая, здесь... тебе трудно говорить...

Но она с непонятной для него энергией облокотилась на подушку и заговорила – как его душа жаждала чуда, так ее душа искала исповеди, прощения, покоя. Прежнее спокойствие сменилось страшной тоской.

– Как я жить хочу... – шептала она. – Но все равно: я скоро уйду от тебя совсем... и мне не хотелось бы оставить тебя...

Бросив всякие предисловия, она вдруг высказала ему все то, что ее давило камнем. Да, нужно скорее, сейчас все сказать, потому что время не ждет и каждая минута дорога!.. Ведь она была такая дурная, так ловко обманывала его до последней минуты, но не хочет уносить с собой обмана в могилу! Кекин оторопел, точно его вели на казнь, – такое выражение бывает только у приговоренных к смерти преступников. А она все говорила, припоминая малейшие подробности своей «комбинации».

– Теперь все, – закончила она, падая на подушки. – Я не сказала бы вам ничего, если бы... если бы не полюбила вас в последнее время... Дайте мне унести это хорошее чувство

с собой...

Когда Маремьяна Петровна вошла в спальню, Кекин сидел все на том же стуле в каком-то столбняке.

Через пять дней Катеньку похоронили, но он пришел в себя только через месяц и, встретив Маремьяну Петровну на улице, проговорил:

– Ведь это был бред... да, ужасный бред!

1890